

Философия К. Ясперса и проблема «пограничной ситуации» в последнем романе М. Горького

Дианов Сергей Александрович¹, Лесевицкий Алексей Владимирович²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-8297-8077. E-mail: sadianov@gmail.com

²преподаватель ПЦК общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин, Пермский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-9934-0341. E-mail: lesev100@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современной гуманитарной науки к диалогу философии и литературы, а также недостаточной изученностью экзистенциального измерения позднего творчества М. Горького, часто рассматриваемого лишь в социально-историческом ключе.

Цель статьи – проанализировать феномен «пограничной ситуации» (по К. Ясперсу) в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и выявить структурное соответствие между философской концепцией и ее художественным воплощением.

На материале романа проведен сравнительный анализ художественного метода М. Горького и философии К. Ясперса. Исследованы судьбы ключевых персонажей как воплощений разных типов пограничных ситуаций: Серафима Нехаева (страдание и встреча со смертью), Клима Самгина (избегание выбора и «экзистенциальный паралич»), купца Лютова (самоубийство как деструктивное разрешение ситуации выбора). Авторами установлено, что М. Горький интуитивно разрабатывает сходный с ясперовским концептуальный аппарат, детально исследуя феноменологию страха, вины, ответственности и свободы в условиях исторического и экзистенциального кризиса.

Исследователи приходят к выводу, что М. Горький может быть признан крупным представителем европейского экзистенциализма первой трети XX века. Его роман является грандиозным художественным исследованием ключевых экзистенциальных категорий, где социальная эпопея поднимается до уровня философской притчи о человеческом уделе.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших сравнительных исследованиях по философии экзистенциализма и русской литературе, в практике университетского преподавания истории философии, литературоведения и культурологии.

Ключевые слова: пограничная ситуация, проблема выбора, экзистенциализм в философии и литературе, страх смерти, социальный абсентеизм, философия самоубийства, полифонический характер.

Феномен пограничной ситуации, занимающий центральное место в философии Карла Ясперса, представляет собой не просто некие «онтологические вызовы», а фундаментальный экзистенциальный кризис, обнажающий основы человеческого существования перед лицом смерти, страдания, вины и необходимости аутентичного выбора. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом данная философская концепция находит свое отражение и художественное воплощение в литературном пространстве, в частности в творчестве крупнейших представителей русской культурной традиции. Анализ экзистенциальной проблематики в отечественной литературе, особенно в контексте переломных исторических эпох, сохраняет свою непреходящую актуальность, поскольку позволяет выявить универсальные механизмы самоопределения личности в условиях тотального кризиса переломной исторической эпохи. Однако остается малоосвещенным вопрос, насколько целенаправленно и системно русские писатели, в частности М. Горький, интуитивно или осознанно разрабатывали сходный с ясперовским концептуальный аппарат для описания человеческой экзистенции. Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, устойчивым интересом современной гу-

манитарной науки к диалогу между философией и литературой как взаимодополняющими способами познания человека. Во-вторых, в научной литературе творчество позднего М. Горького, и особенно его итоговый роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина», нередко рассматривается преимущественно в социально-историческом или идеологическом ключе, тогда как его экзистенциальное измерение, за исключением ряда частных работ [1; 3; 4; 9; 12; 14], требует, на наш взгляд, более системного и детального анализа. В определенном смысле обнаруживается своеобразный пробел: отсутствие комплексного исследования, которое последовательно и на всем художественном материале романа выявляло бы структурное соответствие между типологией пограничных ситуаций у К. Ясперса и их конкретными воплощениями в судьбах горьковских персонажей. Более того, практически не ставился вопрос о некоем методологическом сходстве подхода немецкого философа, видевшего в «просветлении экзистенции» результат жизненного опыта, и художественного метода М. Горького, извлекавшего экзистенциальные смыслы из драматического опыта своих героев.

В данной статье мы рассмотрим феноменологию разнообразных «пограничных ситуаций», которые чрезвычайно рельефно представлены на страницах итогового романа М. Горького. Стоит отметить, что автор «Жизни Клима Самгина», как и Ф. М. Достоевский, глубоко погружается в проблемное поле существования личности «перед лицом смерти», а также в то состояние, когда она озадачена всей тяжестью этической ответственности за свой аутентичный выбор между добром и злом [1]. Стоит заметить, что проблему пограничной ситуации всесторонне исследовал немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс в своей фундаментальной работе «Философия. Просветление экзистенции» от 1932 года [8]. По нашему мнению, немецкий мыслитель и русский «буревестник революции» совершенно независимо друг от друга формулируют достаточно схожие концепты подобного феномена экзистенции любого homo. Это концептуальное сходство становится еще более объяснимым, если обратиться к ясперовскому пониманию философии как «просветления экзистенции», которое происходит не в абстрактных умозрениях, а в напряжении жизненного опыта. Для К. Ясперса философское прозрение рождается из конкретного, часто трагического, переживания предельных условий бытия. Биографический опыт самого философа, его постоянное балансирование на грани жизни и смерти из-за болезни – та почва, на которой выросла его концепция [15]. Аналогичным образом М. Горький, будучи художником, «философствовал» не в абстрактных понятиях, а в образах и судьбах, извлекая экзистенциальные смыслы из живого, часто мучительного опыта своих персонажей. Его метод – это художественное «просветление экзистенции» через погружение в драму выбора, страха и отчаяния. Поэтому сходство с К. Ясперсом лежит в общей методологии: оба стремятся выявить сущность человека через анализ его поведения в предельных, «пограничных» экзистенциалах существования. И если К. Ясперс делает это через феноменологическое описание и логику понятий, то М. Горький – через психологическую глубину и сюжетную напряженность. Их диалог через время и пространство подтверждает, что пограничная ситуация является своеобразным универсальным ключом к пониманию человеческой сущности. М. Горький раскрывает тему пребывания личности в пограничной ситуации в литературно-художественном универсуме своего итогового романа «Жизнь Клима Самгина», впрочем, равно как и в других произведениях, а Карл Ясперс – в рамках экзистенциальной философии религиозного типа.

Чтобы понять глубину параллелей между М. Горьким и К. Ясперсом, необходимо детальнее рассмотреть саму суть ясперовской концепции пограничной ситуации (Grenzsituation). Для немецкого мыслителя это не просто трудные обстоятельства, а фундаментальные, неустранимые и тотальные условия человеческого существования, такие как смерть, страдание, борьба и вина. Их ключевая функция – разрушить повседневную, неподлинную уверенность человека, обнажив перед ним «изначальную ситуацию» его конечного бытия. М. Горький, не будучи философом-систематиком, интуитивно воссоздает именно такие тотальные условия для своих героев, помещая их на грань не только физической, но и исторической, этической гибели. Важно, что у К. Ясперса пограничная ситуация – это не тупик, а «место» потенциального прорыва к экзистенции, к подлинному бытию, которое открывается через сознание собственной конечности. Аналогично герои М. Горького в этих ситуациях, даже пребывая в ужасе и отчаянии, обретают острое, болезненное чувство своего «Я», пусть и в негативной форме. Таким образом, сходство между писателем и философом коренится не в некоей случайности, а в общем внимании к тем моментам, когда рушится вся внешняя социальная опора и человек остается один на один с вопросом о смысле своего бытия. М. Горький художе-

ственно воплощает то, что К. Ясперс описывает философски: кризис как возможность. Автор «Духовной ситуации времени» выстраивает своеобразную иерархию подобных ситуаций, обосновывая их сложную и многоуровневую структуру: «Ситуации связаны друг с другом, если одна возникает из другой. Я подчинен взаимосвязям ситуации» [16, с. 205]. Стоит отметить, что и в романе М. Горького мы тоже видим сложное многообразие сюжетных коллизий, когда герои произведения переживают попадание в экзистенцию «перед лицом Ничто» либо должны осуществлять судьбоносный выбор между жизнью и смертью, революцией и контрреволюцией, истиной и ложью, социальным абсентеизмом буддистского типа и пассионарной одержимостью какой-либо великой идеей, претендующей на тотальное преобразование универсума (дискурс марксиста Степана Кутузова).

Стоит заметить, что в романе М. Горького данная тема существования «перед лицом Ничто» рассматривается на высочайшем литературно-художественном уровне через описание бездонного внутреннего мира героев [13]. Приведем пример. Серафима Нехаева, как и К. Ясперс, тоже поражена смертельной болезнью легких, надвигающаяся смерть вводит героиню в состояние экзистенциального ужаса, полностью меняя сущность ее внутреннего «Я». Персонаж романа презирает беспечных обывателей за то, что перед ними не так остро поставлен фундаментальный вопрос о небытии, ибо хорошее здоровье позволяет им «умирать медленно», не думать так остро о печальном итоге существования любого человека: «Чем полнее мое здоровье, тем с большей вероятностью я живу в наивном бесстрашии, однако во всецелой зависимости от этой своей витальности» [16, с. 207]. Героиня, безусловно, лишена подобного «наивного бесстрашия», она не может радоваться жизни, обладать счастливым осознанием, ибо полностью погружена в свои «кладбищенские» (выражение М. Горького) мысли. В разговоре со своим любовником Климом Самгиным героиня произносит: «Поймите же, я не выношу ваших нормальных людей, не выношу веселых. Веселые до ужаса глупы и пошлы» [6, т. 11, с. 204].

Главный герой романа осознает, что вся специфика пессимистического внутреннего мира Нехаевой обусловлена ее страхом перед Ничто, пребыванием героини в пограничной ситуации, которая имеет абсолютно объективные и тотальные основания. Стоит подметить, что Самгин не испытывает к Серафиме настоящего чувства любви, а просто экспериментирует в отношениях: «Подходя к дому, Клим Самгин уже успел убедить себя, что опыт с Нехаевой уже кончен, пружина, действующая в ней, – болезнь. И нет смысла слушать ее истерические речи, вызванные “страхом смерти”» [6, т. 11, с. 214]. Отметим, что Карл Ясперс, как и М. Горький, видит объективную диалектическую взаимосвязь между категориями экзистенциального страха и необратимостью процесса умирания, где одно порождает другое: «В отношении к существованию всякий страх возникает из стоящего за ним страха смерти» [16, с. 270]. Факт смерти тотален, его невозможно избежать, ибо человек, пришедший в мир, должен будет рано или поздно из него уйти. Смерть обладает неопровержимой фактичностью, она как своеобразная стена, «на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [16, с. 205].

Стоит заметить, что Нехаева прекрасно осознает надвигающуюся на нее тотальную неопровержимость Небытия: «Приходите скорей, – попросила она, стискивая руку его горячими косточками пальцев своих. – Ведь я скоро исчезну» [6, т. 11, с. 213]. По мнению Карла Ясперса, пребывание личности в состоянии между жизнью и смертью порождает не только страх небытия, но и возможность пробудить ее от безмятежности неподлинного существования, полностью раскрыть возможность проявления своего настоящего «Я», своей аутентичной экзистенции. Процесс «экзистенциального пробуждения», описанный немецким философом, имеет четкую структуру, которую можно проследить у горьковских героев. К. Ясперс говорит о движении от «наивного бесстрашия» неподлинного существования через «страх» и «ужас» в пограничной ситуации к потенциальному «просветлению» и принятию себя. Серафима Нехаева демонстрирует преимущественно стадию ужаса и отчаяния, которые, однако, уже есть латентная форма пробуждения, ибо она ясно видит «стену небытия». Клим Самгин застревает в промежуточной фазе: его постоянная рефлексия, тревога и чувство вины – это симптомы работы несостоявшегося пробуждения. Он уже не «зачарованный созерцатель», он ощущает ужас, но не может совершить «экзистенциальный прорыв» к принятию ответственности и обретению целостного «Я». Таким образом, М. Горький показывает не только результат, но и сам трудный, часто срывающийся процесс просветления экзистенции, описанный немецким философом. Его персонажи становятся иллюстрацией разных стадий этого пути: Нехаева – стадии экзистенциального шока, Самгин – стадии рефлексивного паралича. Даже самоубийс-

тво Лютова можно рассматривать как трагически завершённый акт пробуждения, приведший к отрицанию жизни, но не к прорыву в подлинность через трансценденцию. М. Горький, как и К. Ясперс, убежден, что аутентичная жизнь начинается на краю экзистенции. Но для того чтобы процесс «экзистенциального пробуждения» осуществился, личность должна испытать тотальный ужас возможного небытия в неопределённости пограничной ситуации: «Я стою перед бездной, не только потому что скоро вовсе перестану существовать, но потому что в подлинном смысле вовсе не существую. Я более не забочусь о своем существовании, не испытываю более чувственного страха смерти, но уничтожающий страх виновно потерять себя самого» [16, с. 271].

На наш взгляд, данная философская проблема чрезвычайно рельефно отражена в художественной ткани романа «Жизнь Клим Самгина», ибо Серафима и Клим мучительно ищут подлинное бытие, свою самость, пытаются преодолеть обезличенность «массового человека», жизнь которого проживают другие. Попадание в пограничную ситуацию позволяет им обрести себя, тогда как большинство иных персонажей романа навсегда утратили аутентичность, став мировоззренчески неотличимыми друг от друга. Самгин размышляет: «Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпой, он в стороне от нее, но вот ему уже кажется, что люди всасывают его в свою гущу и влекут за собой. <...> В такие часы Самгин ощущал, что его наполняет и раздувает ветер унылой злости на всех людей и даже – немного – на себя самого» [6, т. 11, с. 105].

Попадая в сложность и многомерность пограничных ситуаций, Клим стремится осуществлять свой выбор абсолютно аутентично, чтобы не быть похожим на иных героев книги, сохранить свою неповторимость.

Стоит заметить, что для Нехаевой ясперовский тезис о том, что он испытывает «уничтожающий страх виновно потерять себя самого», тоже имеет важнейшее значение, обусловленное надвигающейся на нее стеной Небытия. Предвкушение смерти ставит вопрос о смысле существования, отчетливой ясности которого лишены иные герои книги, находящиеся между бытием и Ничто. Но для Нехаевой он поставлен предельно остро, она со всей отчетливостью осознает абсурд человеческого существования: «Экзистенция как бы спит перед лицом смерти, потому что смерть служит ей не для пробуждения ее возможной глубины, но для того, чтобы все обесмысливать» [16, с. 226]. Но если бы героиня не попала в пограничную ситуацию, то, возможно, и не ощущала бы так остро всего трагизма жизни, некой бессмысленности бытия: «– Вы умеете думать о бесполезности существования? Климу захотелось усмехнуться, но он удержался и солидно ответил: – Иногда это очень волнует» [6, т. 11, с. 208]. Во внутреннем мире героини предельно отчетливо обозначен мировоззренческий исход от абсурда внешнего социального мира к первостепенности вопроса о смысле жизни и смерти.

По мнению Самгина, этим извечным «гамлетовским вопросом» как раз должны быть обеспокоены физически и душевно более здоровые герои, чем Нехаева: «Больной человек. Естественно, что он думает и говорит о смерти. Мысли этого порядка – о цели бытия и прочем – не для нее, а для здоровых людей. Для Кутузова например...» [6, т. 11, с. 213]. Но «здоровые» не желают задумываться о вечных «гамлетовских вопросах», ибо для них смерть теряет свою трагическую реальность, умирает всегда кто-то другой, но не сама личность. Попадание в экзистенцию «перед лицом Ничто» позволяет с предельной ответственностью поставить вопрос о смысле существования. Серафима с презрением относится к людям, излишне вовлеченным в процесс развития общества, поиска социальной гармонии либо революционного преобразования деспотического государства. По ее мнению, это абсурдное занятие. Переживание надвигающейся смерти позволяет Нехаевой сместить мировоззренческие акценты с социальных вопросов в сторону усиленного самопознания своего внутреннего мира: «За чаем Клим услышал, что истинное и вечное скрыто в глубине души, а всё внешнее, весь мир – запутанная цепь неудач, ошибок, уродливых неумностей» [6, т. 11, с. 208]. На пороге гибели героиня пытается найти подлинное бытие, порожденное существованием перед лицом Ничто. Однако для полноты анализа необходимо учесть, что К. Ясперс выделял целый спектр пограничных ситуаций, выходящих за рамки только личной встречи со смертью. Он писал о ситуациях борьбы, страдания и неотвратимой вины. Этот широкий взгляд позволяет увидеть в романе М. Горького целую галерею персонажей, каждый из которых поставлен в свою уникальную пограничную ситуацию, соответствующую ясперовской типологии. Если Серафима Нехаева воплощает ситуацию страдания и смертельной болезни, то Клим Самгин постоянно

пребывает в ситуации экзистенциальной борьбы и выбора, которой он, однако, пытается избежать. Большевик Кутузов сознательно погружает себя в ситуацию исторической борьбы, видя в ней смысл. Купец Лютов оказывается в ситуации тотальной вины и исторической обреченности. Таким образом, М. Горький не ограничивается одним аспектом, а создает полифоническую картину человеческого существования, где разные герои иллюстрируют разные грани ясперовского концепта. Это показывает, что писатель схватывает универсальность концепции: пограничная ситуация – это не только удел смертельно больного, но и судьба мыслящего, рефлектирующего, действующего человека в эпоху исторического перелома. Каждый по-своему «наталкивается на стену», и реакция на это столкновение становится мерилom его аутентичности.

В своем фундаментальном труде «Философия. Просветление экзистенции» Карл Ясперс описывает многомерность и полисистемность категории пограничной ситуации, которая может принимать форму аутентичного и ответственного выбора человека между добром и злом [10].

Нам представляется, что М. Горький чрезвычайно рельефно раскрыл данную онтологическую дилемму благодаря сложному полифонизму внутреннего мира центрального персонажа романа. С одной стороны, в процессе чтения книги «Жизнь Клим Самгина» складывается впечатление, что главный герой, попадая в пограничную ситуацию, всячески уклоняется от судьбоносного выбора между революцией и контрреволюцией, любовью и ненавистью, экзистенцией и Ничто. Но, с другой стороны, социально-психологический абсентеизм, нежелание участвовать в абсурдно-суетной общественной деятельности – это тоже позиция, тоже аутентичное разрешение трагической и судьбоносной проблемы избрания (выбора). Нам представляется, что своеобразный «общественный абсентеизм» Самгина обусловлен антиномичной сложностью его полифонического характера: «Теория Биона здесь совпадает с учением Гурджиева, который считал, что в принципе единое “Я” – иллюзия, любое “Я” распадается на маленькие “Я”, каждое из которых не знает, что делает другое» [11, с. 66].

В своем романе М. Горький создает образ главного героя с «расколотым Я» (Р. Лэнг), лишнего запелляционной уверенности в оправданности своего нравственного выбора. Самгин отчетливо ощущает это интроспективное раздвоение сознания где-то посередине между тотально антиномичными тезисом и антитезисом. На одном из вечеров, где собралась «аристократическая элита» дореволюционного общества, Клим произносит: «Я говорю о том, что наш разум, орган пирронизма, орган Фауста, критически исследующего мир, – насильственно превращали в орган веры. Но вера, извлеченная из логики, лишенная опоры в чувстве, ведет к расколу в человеке, внутреннему раздвоению его. Именно отсюда, из этого раскола возникают качества, характерные для русской интеллигенции: шаткость, непрочность ее принципов, обилие разноречий, быстрая смена верований» [6, т. 14, с. 293].

Исходя из данного неожиданного признания Клим на обеде по случаю юбилея его патрона – Платона Александровича, можно обсуждать причины самгинианского «кататонического ступора», когда герой попадает в судьбоносную пограничную ситуацию, ибо выбор возможен только исходя из нерасколотого противоречиями «Я» – концепта личности, когда доводы «за» и «против» неравноценны. Но поскольку герой сочетает в себе как бы несколько амбивалентно-антиномичных характеров, то процесс избрания предельно затруднен, а иногда и просто невозможен. Как можно выбрать, находясь в неопределенности пограничной ситуации, когда в главном герое одновременно сосуществуют антиномичные субличности революционера и консерватора, аристократа и демократа, объединенные в одном теле? На допросе после ареста Клим один из полковников, подробно изучивший дневниковые записи главного персонажа, удивленно изрек: «Вот вы пишете: “Двух станов не боец” – я не имею желания быть даже и “случайным гостем” ни одного из них, – позиция совершенно невозможная в наше время!» [6, т. 12, с. 191].

Но в рамках «полифонического характера» Самгина, напротив, иная позиция невозможна. Центральный персонаж романа М. Горького чрезвычайно остро ставит вопрос об ответственности за последствия тех или иных поступков, которых он пытается избежать, подвергнув весь универсум своему критическому анализу: «Каждое действие имеет в мире последствия, о которых действующий не знал. Он пугается последствий своего поступка, потому что, хотя и не думал о них, все-таки знает, что он – их виновник» [16, с. 250]. В своей книге «Просветление экзистенции» немецкий мыслитель концептуально рассматривает экзистенциал вины, считая, что любая личность, имеющая дерзновение бытийствовать, виновна вне зависимости от того, активно ли она меняла окружающий универсум или всячески уклонялась,

подобно Самгину, от любой деятельности, попадая в пограничную ситуацию [7]. По К. Ясперсу, социальный абсентеизм, которым буквально одержим Клим, не способен избавить личность от тотального чувства вины за то, что мир лежит во зле, в нем царствует разрушение и смерть, несправедливость, угнетение, рабство и насилие. Чтобы до конца понять вину Самгина, важно обратиться к ясперовскому различению между «виной психологической» (за конкретный проступок) и «виной экзистенциальной», или «метафизической». Последняя проистекает из самого факта нашей конечности и несовершенства, из того, что мы никогда не можем действовать абсолютно правильно и полностью предвидеть последствия. Социальный абсентеизм Самгина – это попытка свести всю возможную вину к нулю, избежав даже психологической вины за конкретные действия. Однако, согласно К. Ясперсу, он тем самым лишь глубже погружается в пучину вины экзистенциальной – вины за отказ от своей свободы и возможности быть. Его бездействие есть форма «не-бытия», которая в ясперовской системе координат является большим грехом против экзистенции, чем ошибочное, но решительное действие. М. Горький, изображая мучительные самооправдания Клима, художественно исследует этот парадокс: стремясь остаться «чистым», герой становится виновным в самой основе своего существования. Он виновен в «не-принятии» своего бытийственного долга, что для К. Ясперса является корнем всякой подлинной вины. Таким образом, через образ Самгина М. Горький иллюстрирует самый сложный этический вывод философии К. Ясперса: человек обречен быть виновным, и единственный путь к подлинности – не в бегстве от вины, а в мужественном несении ее как неотъемлемой части своей экзистенции: «Я в своей ситуации держу ответственность за то, что произошло от того, что я не вмешиваюсь; если я могу что-то делать и не делаю, то на мне лежит вина за последствия моего недеяния. Следовательно, действую ли я или не действую, – и то и другое имеет последствия, и в обоих случаях я неизбежно оказываюсь виновен» [16, с. 251].

По К. Ясперсу, желание Самгина снять с себя ответственность за царящее в мире зло своей логически выстроенной концепцией социального абсентеизма делает его не менее виновным, чем остальных «деятельных и активных героев», ибо позиция отстраненного фиксатора бытия лишь увеличивает количество зла, царящего в социальном макрокосме: «Я могу уклониться от напряжения, если буду жить без пограничной ситуации. Тогда я могу неистинно сказать: “так уж оно вышло”; “этого ведь не изменить”; “я не несу ответственности за существование, каково оно есть”; “если после этого избежать вины станет невозможно, в том нет моей вины”, в таком случае безразлично, падает ли вина на меня, потому что в принципе я все-таки виновен без вины» [16, с. 252]. Глубина ясперовской концепции вины позволяет радикально переосмыслить природу самгинского бездействия. Для К. Ясперса вина – это не только следствие дурного поступка, но фундаментальный экзистенциал, неотъемлемая черта конечного человеческого бытия. Мы виновны уже в силу своей ограниченности и неспособности объять все последствия своих действий или бездействия. Эта «вина без вины» особенно ярко проявляется в пограничной ситуации, где любое решение или отказ от него влекут необратимые последствия. М. Горький, наделяя Самгина гипертрофированной рефлексией, показывает человека, который интуитивно чувствует эту тотальность вины. Его абсентеизм – это не просто трусость, а отчаянная (и тщетная) попытка избежать этой экзистенциальной вины, уклониться от бремени выбора, которое, по К. Ясперсу, является бременем самого бытия. Однако, как следует из философии немецкого мыслителя, такая попытка обречена: отказ от выбора – это тоже выбор, ведущий к вине за упущенные возможности и попустительство злу. Таким образом, трагедия Самгина, мастерски изображенная М. Горьким, становится художественной иллюстрацией ясперовского тезиса о неизбежности вины и о том, что подлинная экзистенция начинается с мужественного принятия этой вины как своего удела, а не с бегства от нее.

Безусловно, Самгин виновен безвинно, но он виновен не меньше, чем иные «социально одержимые» персонажи романа, такие как большевик Степан Кутузов, купец I гильдии Лютов, предприниматель Тимофей Варавка, ибо на всех лежит печать ответственности за тот выбор (либо бездействие), которое они осуществляли, попадая в судьбоносную пограничную ситуацию.

Проблему «Расколотого Я» Самгина можно плодотворно интерпретировать через ключевую для К. Ясперса категорию коммуникации. Для немецкого философа подлинное существование (экзистенция) не может быть уединенным; оно раскрывается только в «со-бытии», в встрече и диалоге с другой экзистенцией через любовь или борьбу. Именно в «непрерывной

коммуникации» человек обретает целостность и выходит за пределы своего изолированного сознания. Самгин же, при всей его кажущейся общительности, принципиально не способен к такой подлинной коммуникации. Его внутренний полифонический диалог – это замкнутый круг монологов, где нет места подлинному Другому. Поэтому его «расколотость» – это прямое следствие экзистенциального одиночества, неспособности к ясперовскому «со-бытию»: «Всякая утрата и неудача в коммуникации – как утрата подлинного бытия» [16, с. 62]. Его паралич воли в пограничных ситуациях возникает потому, что выбор требует целостного «Я», а оно, по К. Ясперсу, рождается только в акте встречи и ответственности перед Другим. М. Горький, показывая бесплодную рефлексию Самгина, его вечное колебание между чужими идеями, художественно исследует патологию личности, лишенной экзистенциальной коммуникации. Таким образом, проблема Самгина – это не только проблема выбора, но и проблема фундаментального одиночества, невозможности выйти к другому и через это обрести себя, что делает его трагедию еще более глубокой в свете философии К. Ясперса.

По К. Ясперсу, пребывание личности между жизнью и смертью есть процесс сугубо индивидуального выбора и неограниченной свободы воли. Любая персона вольна выбирать как собственную экзистенцию, так и небытие, разрешая таким деструктивным образом судьбоносную дилемму пограничной ситуации: «Смерть – решающая пограничная ситуация для экзистенции, это событие, которое приходит и которое мы не зовем. Только человек, после того как он знает о смерти, стоит перед возможностью самоубийства. Он может не только сознательно рискнуть своей жизнью, но может решать, хочет ли он жить или нет. Смерть вступает в фазу моей свободы» [16, с. 307].

Стоит заметить, что в творческом универсуме М. Горького проблема самоубийства как разрушительного исхода дилеммы избрания представлена крайне рельефно. Самоубийство Лютова позволяет русскому писателю исследовать еще один аспект ясперовской философии: диалектическую взаимосвязь между пограничной ситуацией и трансценденцией. Для К. Ясперса, переживая крах всех земных опор в пограничной ситуации, человек может либо впасть в нигилизм, либо открыться для трансценденции – того, что выходит за пределы предметного мира и самого человека, т. е. стать верующим. Самоубийство Лютова – это художественное изображение пути в нигилизм. Ощувив крах всего старого мира (ситуация борьбы и исторической смерти) и свою экзистенциальную вину, он не находит в себе точку опоры в трансценденции. Его отчаянный поиск смысла упирается в «онтологическую стену» абсурда, и он выбирает физическое небытие как единственный доступный ответ. М. Горький при этом не дает прямых оценок, но показывает, что для такого выбора нужна своя страшная последовательность и сила. В свете концепта К. Ясперса это трагедия экзистенции, не сумевшей через отчаяние прорваться к вере или иному ощущению трансцендентного. В противоположность ему метания Самгина, при всей их бесплодности, могут быть истолкованы как бесконечный, незавершенный поиск этой самой трансценденции, которую он тщетно пытается найти то в идеях, то в любви, то в отстраненном созерцании искусства (Иероним Босх). Через амбивалентный контраст Лютова и Самгина М. Горький, таким образом, прочерчивает две возможные траектории, описанные немецким мыслителем: окончательный разрыв с бытием и бесконечное, мучительное стремление к нему.

Рассмотрим трагическую экзистенцию купца I гильдии Лютова, который, находясь между жизнью и смертью, предпочел тотальное небытие. Стоит заметить, что М. Горький рисует нам амбивалентно-противоречивый психологический мир своего персонажа, его внутреннюю борьбу между силами Эроса и Танатоса, чрезвычайную сложность выбора между этими фундаментальными экзистенциалами. Лютов добровольно уходит из жизни отнюдь не по причинам экономического или медицинского характера (тяжелый недуг), а по «идеологическим основаниям», ибо он достаточно обеспеченный и успешный коммерсант, который далек от разорения. Кроме того, Лютов обладает отменным здоровьем, не поражен неизлечимой болезнью, как, например, Серафима Нехаева. По какой же причине, находясь в ситуации выбора между жизнью и смертью, купец предпочел небытие? Свобода добровольного ухода из экзистенции имела мировоззренческие истоки, обусловленные отсутствием «мужества быть» (П. Тиллих), страхом за свое будущее, отсутствием возможности изменить его, тотальным абсурдом экзистенции. Лютов трагически ощущает гибель старой сословно-монархической России, рождение новой страны, в которой привилегированный класс буржуазии будет признан своеобразным «паразитарным наростом» на теле трудового народа. Герой трагически ощущает свою декадентскую роль «лишнего человека», роль стороннего наблюдателя в

свершающейся драме становления новой России. Причиной самоубийства купца является и наличие критического голоса совести в многомерности рефлектирующего «Я» персонажа, который отлично понимает, что живет за счет эксплуатации трудового народа, осознавая этот «грех отцов»: «Я – большие деньги и – больше ничего! И еще я – жертва, приносимая историей себе самой за грехи отцов моих» [6, т. 11, с. 409]. Как и К. Ясперс, М. Горький мастерски описывает экзистенциальную свободу выбора Лютова между жизнью и смертью. Самоубийство купца Лютова является прямым художественным воплощением одной из центральных идей немецкого философа о пограничной ситуации смерти.

Таким образом, в рамках данной работы мы рассмотрели проблему пребывания личности в пограничной ситуации в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Данный феномен освещается в романе многоаспектно. С одной стороны, как трагизм экзистенции «перед лицом смерти», ибо Серафима Нехаева отчетливо осознает надвигающуюся на нее стену небытия. Попадание в пограничную ситуацию между жизнью и смертью порождает страх, который индуцирует отчетливое понимание бессмысленности экзистенции. С другой стороны, во внутреннем мире героини происходит удивительная метаморфоза. Находясь «перед лицом Ничто», Серафима обеспокоена сохранением своей индивидуальности, боится потерять свое аутентичное «Я».

Проблема пограничной ситуации приобретает иное значение в рамках анализа внутреннего мира Клима Самгина. Главный герой романа пытается снять с себя любую ответственность за судьбоносный выбор между добром и злом, предпочитая находиться в состоянии бездействия. Полифоническая структура «расколотого Я» (Р. Лэнг) героя мешает осуществить аутентичный выбор. Стоит заметить, что подобная стратегия избегания все-таки не способна снять с личности ответственность за то, что «мир лежит во зле». Клим, как и другие «социально одержимые» герои повести, тоже виновен и несет морально-этическую ответственность за свершающуюся историческую драму России.

Глубинный диалог между художественным миром М. Горького и философией К. Ясперса позволяет утверждать, что роман «Жизнь Клима Самгина» является грандиозным художественным исследованием ключевых экзистенциальных категорий, предложенных немецким мыслителем. Русский писатель не просто «иллюстрирует» идеи К. Ясперса; он самостоятельно, средствами литературы, приходит к схожим интуициям о природе человека в моменты кризиса. Через судьбы своих героев он исследует феноменологию страха и ужаса перед Ничто, диалектику вины и ответственности, трагедию «расколотого Я», лишённого подлинной коммуникации, и, наконец, предельную свободу выбора перед лицом смерти. Важно, что оба – и философ, и писатель – видят в пограничной ситуации не только разрушение и деструкцию, но и шанс. Шанс обрести аутентичность, пусть цена за это оказывается непомерно высокой, как для Нехаевой, или оказывается упущенной, как для Самгина. Нам представляется, что итоговый роман М. Горького уникален глубочайшей проработкой ясперовской проблематики на русском историческом материале, что делает данное произведение неповторимым явлением культуры, где социальная эпопея поднимается до уровня философской притчи о трагическом человеческом уделе вообще.

Авторы приходят к выводу, что М. Горького мы можем назвать крупнейшим представителем европейского экзистенциализма первой трети XX века.

Список литературы

1. Белоусова Е. Г. Мотив пустоты в «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 12–17.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. Л. : Лениздат, 1991. 398 с.
3. Гавриш Т. Р. Максим Горький как художник-новатор: экзистенциальное начало романа «Жизнь Клима Самгина» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 3–19.
4. Гавриш Т. Р. Философия выбора смерти (на материале романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // Acta Eruditorum. 2019. № 31. С. 18–22.
5. Голуб Н. Н. Понятие экзистенции в философии Карла Ясперса // Теория и практика современной науки. 2020. № 3 (57). С. 73–76.
6. Горький А. М. Собрание сочинений : в 16 т. М. : Правда, 1979.
7. Королькова А. А. Экзистенциальный смысл страдания в философии К. Ясперса и В. Франкла // Научное мнение. 2022. № 1–2. С. 37–42.
8. Лакаев П. В. Когда жизнь становится испытанием: пограничные ситуации в философии экзи-

стенциализма // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 1 (49). С. 98–109.

9. Лесевицкий А. В. Исследование феномена «абсурда существования» в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и литературных произведениях Ж.-П. Сартра // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 4 (44). С. 123–134.

10. Петропавловская М. А. Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса // Дискурсы этики. 2023. № 4 (20). С. 35–54.

11. Руднев В. П. Полифоническое тело: реальность и шизофрения в культуре XX века. М. : Гнозис, 2010. 400 с.

12. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: структурно-функциональное и философско-этическое значение // Acta Eruditorum. 2020. № 33. С. 40–44.

13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2020. 1072 с.

14. Темаева Х. Н. Творческие взаимоотношения Максима Горького и Леонида Леонова // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 136–140.

15. Эльбиева Л. Р. Экзистенция в философских воззрениях Карла Ясперса // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 5. С. 126–131.

16. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М. : Канон+, 2021. 448 с.

The Philosophy of K. Jaspers and the Problem of the "Borderline Situation" in M. Gorky's Last Novel

Dianov Sergey Aleksandrovich¹, Lesevitsky Aleksey Vladimirovich²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-8297-8077. E-mail: sadianov@gmail.com

²lecturer of the Department of General Education and Humanities-Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Perm.

ORCID: 0000-0002-9934-0341. E-mail: lesev100@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the sustained interest of contemporary humanities in the dialogue between philosophy and literature, as well as by the insufficient exploration of the existential dimension of M. Gorky's late work, which is often examined solely within a socio-historical context.

The purpose of the article is to examine the phenomenon of the "borderline situation" (according to K. Jaspers) in M. Gorky's novel *The Life of Klim Samgin* and to identify the structural correspondence between the philosophical concept and its artistic embodiment.

Subject and results of the study. Using the material of the novel, a comparative analysis was conducted between M. Gorky's artistic method and K. Jaspers's philosophy. The fates of key characters were examined as embodiments of different types of borderline situations: Serafima Nekhaeva (suffering and confrontation with death), Klim Samgin (evasion of choice and "existential paralysis"), and the merchant Lyutov (suicide as a destructive resolution of a situation of choice). The authors established that M. Gorky intuitively develops a conceptual framework similar to that of Jaspers, meticulously exploring the phenomenology of fear, guilt, responsibility, and freedom under conditions of historical and existential crisis.

Conclusions. The researchers conclude that M. Gorky can be recognized as a major representative of European existentialism in the first third of the 20th century. His novel constitutes a grand artistic exploration of key existential categories, where the social epic rises to the level of a philosophical parable about the human condition.

Application of results. The results of the study can be utilized in further comparative research on the philosophy of existentialism and Russian literature, as well as in the practice of university teaching in the history of philosophy, literary studies, and cultural studies.

Keywords: borderline situation, problem of choice, existentialism in philosophy and literature, fear of death, social absenteeism, philosophy of suicide, polyphonic character.

References

1. Belousova E. G. *Motiv pustoty v "Zhizni Klime Samgina" M. Gor'kogo* [The Motif of Emptiness in M. Gorky's "The Life of Klim Samgin"] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017. No. 12 (408). Pp. 12–17.

2. Berdjaev N. A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. L., Lenizdat, 1991. 398 p.

3. Gavrish T. R. *Maksim Gor'kij kak hudozhnik-novator: ekzistencial'noe nachalo romana "Zhizn' Klime Samgina"* [Maxim Gorky as an Innovator-Artist: the Existential Beginning of the Novel "The Life of Klim Samgin"] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* –

Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. 2018. Vol. 4 (70), No. 2. Pp. 3-19.

4. Gavrish T. R. *Filosofija izbora smerti (na materiale romana A. M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina")* [The Philosophy of the Choice of Death (based on the novel by A. M. Gorky "The Life of Klim Samgin")] // *Acta Eruditorum*. 2019. No. 31. Pp. 18-22.

5. Golub N. N. *Ponjatje ekzistencii v filosofii Karla Jaspersa* [The Concept of Existence in Karl Jaspers' Philosophy] // *Teorija i praktika sovremennoj nauki – Theory and Practice of Modern Science*. 2020. No. 3 (57). Pp. 73-76.

6. Gor'kij A. M. *Sobranie sochinenij. V 16 t.* [Collected Works. In 16 vols.]. M., Pravda, 1979.

7. Korol'kova A. A. *Ekzistencial'nyj smysl stradanija v filosofii K. Jaspersa i V. Frankla* [The Existential Meaning of Suffering in the Philosophy of K. Jaspers and V. Frankl] // *Nauchnoe mnenie – Scientific Opinion*. 2022. No. 1-2. Pp. 37-42.

8. Lakaev P. V. *Kogda zhizn' stanovitsja ispytaniem: pograničnye situacii v filosofii ekzistencializma* [When Life Becomes a Test: Borderline Situations in Existentialist Philosophy] // *Vestnik MGPU. Serija: Filosofskie nauki – Bulletin of MSPU. Series: Philosophical Sciences*. 2024. No. 1 (49). Pp. 98-109.

9. Lesevickij A. V. *Issledovanie fenomena "absurda sushhestvovanija" v romane A. M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina" i literaturnyh proizvedenijah Zh.-P. Sartra* [A Study of the Phenomenon of "the Absurdity of Existence" in A. M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin" and the Literary Works of J.-P. Sartre] // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – Science. Art. Culture*. 2024. No. 4 (44). Pp. 123-134.

10. Petropavlovskaja M. A. *Ekzistencija kak reshenie moral'noj problemy izbora sposoba bytija v filosofii Karla Jaspersa* [Existence as a Solution to the Moral Problem of Choosing a Mode of Being in Karl Jaspers' Philosophy] // *Diskursy jetiki – Discourses of Ethics*. 2023. No. 4 (20). Pp. 35-54.

11. Rudnev V. P. *Polifonicheskoe telo: real'nost' i shizofrenija v kul'ture XX veka* [Polyphonic Body: Reality and Schizophrenia in the Culture of the 20th Century]. M., Gnozis, 2010. 400 p.

12. Savinkova T. V. *Ekzistencial'naja problematika romana M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina": strukturno-funkcional'noe i filosofsko-eticheskoe znachenie* [The Existential Issues of M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin": Structural, Functional, Philosophical and Ethical Significance] // *Acta Eruditorum*. 2020. No. 33. Pp. 40-44.

13. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto* [Being and Nothingness]. M., AST, 2020. 1072 p.

14. Temaeva H. N. *Tvorcheskie vzaimootnoshenija Maksima Gor'kogo i Leonida Leonova* [The Creative Relationship between Maxim Gorky and Leonid Leonov] // *Gumanitarnye i social'nye nauki – Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 96, No. 1. Pp. 136-140.

15. El'bjeva L. R. *Ekzistencija v filosofskih vozrenijah Karla Jaspersa* [Existence in the Philosophical Views of Karl Jaspers] // *Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov – Economic and Humanitarian Studies of Regions*. 2019. No. 5. Pp. 126-131.

16. Jaspers K. *Filosofija. Kniga vtoraja. Prosveshhenie ekzistencii* [Philosophy. Book Two. The Illumination of Existence]. M., Kanon+, 2021. 448 p.

Поступила в редакцию: 23.01.2026

Принята к публикации: 27.02.2026